

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига и удивительная,
типично британская главная героиня –
мисс Мод Сильвер, элегантная и слегка
эксцентричная пожилая леди. Сама
Агата Кристи не раз признавалась: во
многом Мод Сильвер стала прототипом
легендарной мисс Марпл.

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

УБИЙСТВО
В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

ПРИЮТ ПИЛИГРИМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

LATTER END
PILGRIM'S REST

Перевод с английского *Д. Вознякевича*
(«Убийство в Леттер-Энде»)
и *А. Анваера* («Приют пилигрима»)

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Убийство в Леттер-Энде. Приют пилигрима : [сборник] /
Патриция Вентворт ; [пер. с англ. Д. Вознякевича, А. Ан-
ваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. —
(Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089389-8

Молодую хозяйку поместья Леттер-Энд, красавицу Лоис, находят мертвой... Кто из многочисленных членов эксцентричного семейства мог подсыпать отраву в ее кофе? Полиция выясняет, что Лоис ненавидела вся женская половина семьи. А по завещанию все деньги достаются ее мужу Джимми...

Однако Мод Сильвер уверена: разгадка тайны убийства в Леттер-Энде кроется не в деньгах и не в завещании, а в отношениях между его обитателями.

Об усадьбе «Приют пилигрима» ходят скверные слухи: все его владельцы, собиравшиеся продать имение, становились жертвами несчастных случаев.

Но слухи слухами, а когда нынешнему хозяину, отставному майору Пилгриму, чудом удается избежать гибели при загадочных обстоятельствах, ему хватает здравого смысла обратиться за помощью к Мод Сильвер. Расследование начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089389-8

© Patricia Wentworth, 1946, 1947
© Перевод. Д. Вознякевич, 2016
© Перевод. А. Анваер, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

УБИЙСТВО
В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

Глава 1

Когда миссис Леттер вошла в комнату, ей показалось, что там темно — из-за того, что все в ней было черным. Ковер на полу, обои на стенах, длинные прямые шторы были бархатно-черного цвета. Но комната оказалась не такой темной, как она подумала. В одно незанавешенное окно лился свет. Лоис Леттер оказалась лицом к этому свету, усевшись напротив человека, называвшего себя Мемноном. Между ними стоял маленький, накрытый черной бархатной скатертью стол, и по контрасту с ним старик в кресле казался очень большим.

Сев на указанное место, миссис Леттер посмотрела на него с любопытством. Если этот человек думал, что может поразить или напугать ее своими уловками, то он ошибался. Напрасно она сюда приехала. Но когда все твои подруги что-то делают, делаешь и ты. В противном случае о чем же тогда разговаривать? О Мемноне все вели разговоры. Он высказывал совершенно потрясающие вещи. Описывал прошлое и предсказывал будущее. Умел представить настоящее интересным и значительным, а не унылым и скучным.

Лоис смотрела на Мемнона в упор и почти ничего не видела на свету, кроме его силуэта и очертаний кресла. Кресло стояло симметрично к окну, выделялось на его фоне — высокая дуговая спинка, крепкие расширяющиеся подлокотники. Над спинкой возвышалась голова старика в бархатной шапочке. Лоис не знала, почему так уверена, что он старик. На это не указывал ни его голос, ни фигу-

ра. Никто не называл его стариком, просто создавалось такое впечатление. Из-за бьющего в глаза света Лоис не могла разглядеть его лица, видела только светлый, расплывчатый овал — гораздо выше, чем можно было ожидать. Видимо, Мемнон отличался высоким ростом, и еще у него были довольно длинные руки.

С этими мыслями Лоис поставила сумочку на колени, откинулась назад и непринужденно улыбнулась. Далеко не каждая женщина ее возраста могла сидеть лицом к свету с таким хладнокровием. Однако тридцать семь лет ничего не отняли от великолепия ее гладкой кожи, лишь улучшили цвет лица, его черты, овал и сделали ее гораздо привлекательнее, чем в двадцать лет. Госпожой себе, своим мыслям, своей жизни. И в значительной мере госпожой Джимми Леттера, его мыслям и его жизни.

Продолжительное молчание вызвало у нее легкое презрение. Чтобы лишить ее самообладания, темной комнаты и пристального взгляда старика недостаточно. Миссис Леттер еще не знала положений или обстоятельств, над которыми была бы не властна. Она безмятежно шагала по жизни, вышла замуж во второй раз. Джеймс Даблдей оставил ей деньги. Осложнения с его завещанием были успешно преодолены. В преемники ему Лоис избрала Джимми Леттера и знала, что сделала верный выбор. Все иметь невозможно, и завещание тогда еще не утвердили. Энтони бывал очень обаятельным — когда хотел. Но ведь не свяжешь свою жизнь с бедным кузеном, когда можно выйти за богатого — в тридцать пять лет уже понимаешь, что, если достанет ума, можно иметь мужа и не терять любовника.

Нельзя сказать, что Джимми богат — денег у него оказалось гораздо меньше, чем ей представлялось. Но, к счастью, с завещанием Джеймса Даблдея все обошлось, а Леттер-Энд был предметом ее мечтаний — небольшая, красивая, не тронутая войной усадьба нуждалась только в деньгах, и теперь Лоис сможет их на нее потратить.

Если бы только усадьба принадлежала Энтони... Но это еще возможно...

Эта мысль легко пронеслась в ее сознании. После визи-

та к Мемнону Лоис собиралась пообедать с Энтони. Улыбка ее стала совершенно естественной.

Неожиданно миссис Леттер заметила, что Мемнон неотрывно смотрит на нее. Его глаза были глубоко посажены и казались черными. Он произнес низким шепотом:

— Дайте мне свою руку — обе руки.

Лоис Леттер заколебалась. Басовитый шепот вызвал в комнате странные отзвуки. На столе между ними лежал хрустальный шарик. Свет из окна падал на его сторону, и шар сиял, как полумесяц. Лоис опустила на него взгляд.

— Вы не смотрите в шарик? Я думала, вы им пользуетесь. Потому и приехала.

Старик поднял руку, и шарика не стало. Лоис не разглядела, что с ним произошло. Полумесяц погас. Когда Мемнон пошевелился, ей показалось, что шевелится и ткань плаща. Старик снова прошептал:

— Дайте мне свои руки.

Лоис вытянула их так, словно что-то отталкивала, и он встретил их своими — ладонь к ладони, палец к пальцу, вертикально, как сложенные в молитве руки. Его и ее. Две пары рук. Соприкосновение было покалывающим. Покалывание прошло по ее рукам и по всему телу вниз, к ступням. Дыхание ее участилось. Лоис хотелось заговорить, отодвинуться. Но впервые в жизни она не сделала того, что хотела. Сидела неподвижно, терпела соприкосновение и покалывание. Не могла отвести взгляда от его глаз. Было ощущение контакта, ощущение, что ее исследуют, обыскивают.

Потом все это вдруг прекратилось. Мемнон опустил веки, отвел руки, откинулся назад и сказал:

— Вам нужно очень беречься.

Ее что-то встревожило — что-то в его интонации, в очень низком, еле слышном голосе. Лоис убрала руки со стола, сложила их на коленях и поинтересовалась:

— Чего мне беречься?

Мемнон ответил:

— Яда.

Это слово будто прошелестело в воздухе. Миссис Леттер почувствовала, как оно завибрировало где-то глубоко в ее

сознании. Она подождала, когда вибрация пройдет, и спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Что вам нужно беречься.

— Яда?

— Совершенно верно.

— То есть кто-то попытается отравить меня? Так вас понимать?

Мемнон произнес немного громче:

— Может быть... — В его голосе прозвучала нотка сомнения.

Она подумала: «Он ничего не знает определенно — только догадывается. Это ерунда». Вслух спросила:

— И это и все? Какой смысл в совете беречься, если вы не говорите ничего больше?

Старик долго медлил с ответом.

— Всем нам нужно охранять дом своей жизни. Как вам охранять свой, сказать не могу. Могу лишь предупредить, что он под угрозой.

— Ему угрожает яд?

— Да.

— Какой?

— Этого я сказать не могу. Есть много разновидностей. Одни угрожают душе, другие телу. Так что берегитесь. Я могу только предостеречь вас.

Лоис выпрямилась и спокойно заговорила, стараясь не поддаваться подспудно возникшему страху:

— Думаю, вы должны сообщить кое-что еще. Кто мне угрожает?

— Кто-то, находящийся рядом.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина... женщина... видимо... не знаю. Возможно, это вы сами. Яд очень близок — вы связаны с ним.

Лоис засмеялась. Ее смех всегда вызывал восхищение. Сейчас он, как колокольчик, серебристо звенел в комнате.

— Поверьте, я не собираюсь травиться.

Мемнон произнес так тихо, что она едва расслышала:

— Существует не один вид яда.

Глава 2

Энтони Леттер, стоя у колонны, видел, как Лоис входит во вращающуюся дверь и идет по вестибюлю к внутреннему салону ресторана «Люкс». Он не спешил ей навстречу. Всегда было приятно наблюдать, как Лоис входит в помещение — у нее была очень красивая походка, и держалась она так, словно приобрела всю землю. Землю и Джимми Леттера. Губы его слегка сжались. Бедняга Джимми. Как-во чувствовать себя приложением к кому-то? Не слишком приятно, однако небеса помогают лишь тем, кто сам себе помогает. Так или иначе, здесь была Лоис, цветущая, в черном костюме, подчеркивающим ее стройность и цвет кожи. Белая камелия, символ безупречной жизни, вставлена в ее петлицу под новым, самым удачным углом, и волнистые, золотисто-каштановые волосы уложены по последней моде. Пойдя навстречу ей, Энтони подумал, что ни разу не видел ее прическу в беспорядке. Другие женщины бывали возбужденными и неряшливыми, у них выбивались пряди волос, носы блестели, но у Лоис — никогда. По иронии судьбы на ум ему пришли стихотворные строки Бена Джонсона*:

Как же на пир не нарядиться,
Напудриться и надуться,
Чтоб впечатленье создавать...

Пожимая ей руку, он подумал, осмелится ли процитировать эти строки Лоис. И если да, вспомнит ли она продолжение.

Но, леди, нужно меру знать...
Все слишком выпренье, кричаще.

Собственно говоря, Бену та леди нравилась неряшливой.

Энтони чуть не рассмеялся вслух и подумал, что лучше вести себя сдержанно. Раньше они с Лоис откровенно флиртовали, но теперь времена изменились, и она стала женой Джимми.

---

* Бенджамин Джонсон (1573—1637) — английский драматург.

Когда они шли к обеденному залу, одно из больших зеркал отразило их бок о бок. Лоис подумала, что они представляют собой красивую пару. Высокий, стройный Энтони выглядит замечательно. Лучше, чем два года назад. Ему двадцать девять лет — в этом возрасте мужчины выглядят лучше всего. Она старше его на восемь лет, но об этом никто не догадается. Возраст не властен над ее красотой. Никто не даст ей больше двадцати семи. Никто не подумает, что она старше Энтони, с удовольствием отметил Лоис.

Они подошли к своему столику и сели, продолжая серьезный разговор под видом легкого обмена любезностями. Действительно ли Энтони снова в форме? Как ощущается уход из армии после пяти лет службы? Понравится ли ему работа в издательской фирме?

— Ты — и книги? Скучноватая работа! — Ослепительная улыбка превратила ее слова в комплимент.

Энтони холодно заметил:

— Знаешь, я люблю книги — и притом очень.

И подумал, с какой горячностью он выложил бы ей все свои планы два года назад. Теперь же это представлялось невероятным.

Лоис сказала, по-прежнему глядя на него и по-прежнему улыбаясь:

— Уверена, дорогой, что ты добьешься большого успеха.

Слово «дорогой», пусть и ничего не значащее в ее устах, покорило его. Энтони отозвался:

— Наверняка буду повсюду находить бестселлеры.

Лоис засмеялась:

— Ты ничуть не изменился.

— Вот как? Позволь ответить тебе комплиментом на комплимент. Ты выглядишь замечательно. Правда, всегда так выглядела.

— Спасибо, дорогой! Но все-таки не всегда, тебе не кажется? Боюсь, что в определенном возрасте.

— Тебе не нужно беспокоиться об этом.

— Не глупи, — сказала она совершенно естественным тоном.

Вот это хуже всего — очень легко быть естественной с Энтони. Так было всегда. Как Лоис с этим ни боролась, существовало искушение дать себе волю, расслабиться, перестать играть роль и стать собой — такой собой, какой Энтони, видимо, ничуть бы не восхищался.

Она засмеялась своим приятным смехом:

— Дорогой мой, если я выгляжу хотя бы хорошо, это настоящее чудо. У меня только что произошла потрясающая встреча.

— Вот как? Послушай, я заказал обед — примешь ты его таким, как есть?

— Да, конечно. Ты должен знать, что мне нравится, — если не забыл. Но право, дорогой, насчет потрясающей встречи я серьезно. Я была у Мемнона.

Он спокойно посмотрел на нее.

— У Мемнона?

Не успела она ответить, как официант принес рыбу. И в эту минуту Лоис вдруг осознала, что была последней дурой, оставив Энтони.

Когда официант ушел, Лоис принялась взахлеб рассказывать о Мемноне, так как ни за что на свете нельзя было допустить молчания. Что-то во взгляде Энтони, в его сухом, легком тоне проникло сквозь ее защиту и потрясло так, как ничто не потрясало долгие годы. Нужно говорить, интересно рассказать о своем посещении, вновь обрести чувство контроля над ситуацией.

Когда Энтони сказал: «Тот самый шарлатан!», она едва не рассмеялась.

— Возможно. Но, дорогой, как это было увлекательно! Вполне стоило тех денег, что я ему заплатила.

Энтони приподнял брови — странно изогнутые брови, черные на смуглом, насмешливом лице. Глаза под ними тоже казались черными, пока на них не упал свет, и стало видно, что они серые.

— И много ты заплатила ему?

— Десять фунтов. Только никому не говори, ладно? Мы в очень стесненных обстоятельствах, дом нуждается в ремонте, но к Мемнону ходят все, и лучше умереть, чем от-

стать от жизни. Собственно говоря, думаю, я несколько лет была мертвой — война и все прочее. Но теперь... — она встретилась с ним взглядом, — я оживаю вновь.

— Очень интересное ощущение. И что этот фокусник сказал тебе?

Лоис откинулась на спинку стула. Не стоит брать его на тиском, он всегда терпеть этого не мог. Лучше продолжать рассказ о Мемноне. Она произнесла дрожащим голосом:

— Он был... жутковатым.

— Обычный прием.

— Нет, правда. Он прямо-таки напугал меня.

Энтони слегка удивился:

— Должно быть, ловкач. Что он делал — или говорил?

Он пристально посмотрел на Лоис. Ее природный румянец сменился бледностью. Кажется, этот шарлатан действительно напугал ее. Раньше Энтони не думал, что это возможно, но Мемнону, очевидно, удалось. Ему не пришло в голову, что бледность Лоис как-то связана с ним.

Снова появился официант с подносом. Когда он отошел, Лоис очень тихо произнесла:

— Это было страшно.

— Только не говори, что он приставал к тебе! Однако уверен, ты вполне могла дать ему отпор. Осадить фокусника было бы новым впечатлением — а для чего еще стоит жить? Неужели скажешь, что потеряла самообладание?

— Ничего подобного не было. И я серьезно говорю — это было страшно.

Его брови приподнялись:

— Только не говори, что он вызвал призраки всех несчастных, кого ты пронзила взглядом или заморозила неприступностью!

Лоис очень тихо проговорила:

— Я серьезно.

— Ты ждешь, что я стану ободрять тебя, втыкать соломинки в волосы — они испортят твою прическу — и стонать в такт варварской мелодии, которую сейчас исполняет оркестр? Мы попадем в колонку светской хроники, если ты этого хочешь: «Майор Энтони Леттер, только что посту-

пивший в издательскую фирму, основанную его знаменитым двоюродным дедушкой Изикиелом»...

Лоис перебила его мягким, обиженным голосом:

— Я хочу рассказать тебе об этом. Будешь слушать?

Она была бледной, трогательной. Такой он ее ни разу еще не видел.

— Так что же этот тип сообщил тебе?

Лоис так понизила голос, что Энтони едва ее слышал:

— Он сказал... мне нужно беречься... яда.

Энтони откинулся на спинку стула.

— Какое странное заявление!

— Да, так ведь? Не очень приятное.

— Совершенно неприятное. С чего он это взял?

Румянец ее возвращался — чистый, яркий, больше всего украшавший ее. Однако без него она выглядела моложе. «Странно», — подумал Энтони.

Лоис ощутила странное облегчение. Теперь он внимательно смотрел на нее, внимательно слушал. Она рассказала ему больше, чем собиралась рассказывать — ему или кому бы то ни было.

— Он говорил очень странные вещи. Сказал, что кто-то хочет отравить меня — совершенно всерьез.

— Еда здесь не настолько скверная.

— Оставь свои шутки. Это было ужасно. Испугать меня нелегко — ты это знаешь. Но он... почти... испугал.

— Хотел, чтобы у тебя по коже побежали мурашки, и, похоже, добился своего.

Лоис покачала головой:

— Не совсем. Но не очень приятно слышать, что кто-то — находящийся рядом — хочет тебя отравить.

— Он так сказал?

— Да, так — кто-то находящийся рядом. Но не сказал, мужчина это или женщина. Ответил, что не знает. Знаешь, он даже сказал, что, возможно, это я сама. — Лоис нервно засмеялась. — А я ответила, что ни в коем случае не стану травиться. Я слишком люблю жизнь, чтобы от нее отказываться.

— Да — думаю, любишь.